

Ж. Т. ТОЩЕНКО,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(МОСКВА)

ТРАВМА И АНТИНОМИЯ – НОВЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Когда Михаил Горбачёв начал перестройку и когда Борис Ельцин стал первым демократическим президентом России, я ожидал, что Россию охватит тот же всплеск энергии, который испытал Китай во время реформ Ден Сяопина... Но вскоре понял – все в России рухнет... Страну разграбили и развалили новые собственники.

*Пол Хлебников,
старший редактор
журнала «Форбс»*

В контексте трансформаций современного общества и соответствующих изменений в сознании и поведении людей рассматривается объективная тенденция возрастания роли субъективного фактора (субъектности) в плане значимости воздействия человеческого потенциала на ход общественных процессов. На базе эмпирического материала анализируются причины появления и сущностные характеристики таких новых, наиболее значимых форм общественного сознания, как травмированность (травма), выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития, и антиномичность (антиномия), отражающая сосуществование двух взаимоисключающих друг друга позиций, противостояние взаимоисключающих ориентаций, каждая из которых практически в одинаковой пропорции претендует на истинность, право на существование, реализацию и в конечном счете на определение стратегии развития общества.

Ключевые слова: травма; антиномия; общественное сознание; поведение; трансформация современного общества; причины появления новых форм общественного сознания; сущностные характеристики новых форм общественно-го сознания.

An objective trend of increasing the role of a subjective factor (subjectivity) in terms of significance of the human potential impact on the course of social processes is considered in the context of the transformations of modern society and corresponding changes in people's consciousness and behavior. The empirical material severs the basis for analyzing the causes and essential characteristics of some new, most significant forms of social consciousness as trauma, expressed in split, bifurcation, discrepancy and conflictness of development; and antinomy, reflecting the coexistence of two mutually exclusive positions, opposition of mutually exclusive orientations, each of which almost equally claims to be truth, as well as the right for existence, implementation and ultimately determination of the strategy of society's development.

Key words: trauma; antinomy; social consciousness; behavior; transformation of modern society; causes of new forms of social consciousness; essential characteristics of new forms of social consciousness.

Причины деформации общественной жизни

В современной России кардинальные трансформационные процессы в сознании и поведении людей приобретают все более значимую, а нередко и решающую роль в осуществлении многих общественных преобразований. Общественное сознание все в большей мере становится показателем противоречивых и парадоксальных изменений во всех сферах общественной жизни. Социологический анализ свидетельствует, что они, *с одной стороны*, отражают глубинные сдвиги в социально-экономической и социально-политической жизни после распада СССР, которые разорвали поступательное развитие государства и общества. *С другой стороны*, эти изменения выявили объективную тенденцию усиления роли субъективного фактора, субъектности, значимости жизнедеятельности социальных групп, слоев, общностей как влиятельных и определяющих сил, олицетворяющих возможности воздействия человеческого потенциала на ход всех без исключения общественных процессов.

Показатели состояния и тенденций развития общественного сознания и поведения демонстрируют причудливое сочетание оценок-комбинаций: *размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценностных ориентаций*,

установок, социального настроения, общественных и личных интересов. Иначе говоря, общественное сознание и поведение находятся на перепутье¹.

Эти черты общественного сознания и поведения проявляются в виде широкого спектра существования противоречивых мировоззрений, многообразия идеологий, различных точек зрения и, соответственно, разных вариантов возможного поведения людей. Специфика современного этапа его развития заключается в том, что *этот раскол олицетворяют такие новые специфические черты, как травма и антиномия*, влияние и значение которых ранее не проявлялось столь явно и наглядно, как это происходит в современной России. Почему так случилось? Ответ на данный вопрос требует выяснения *причин*, которые привели к появлению этих черт общественного сознания в российском обществе.

Во-первых, возникновение этих феноменов, олицетворяющих деформированность общественного сознания, объясняется тем, что российское общество объективно созрело для глубинных изменений. В период кардинальной трансформации России в общественном сознании отражаются не только политически одобряемые цели и интересы, но и идеи, отражающие ориентации и интересы социальных групп, которые оказались ущемленными, отвергнутыми, несмотря на то что их права на достойную общественную и личную жизнь имеют под собой исторически убедительные основания. В этих условиях никто не вправе говорить, что только такая-то позиция (в виде политических программ, концепций, заявлений) отражает истину и обязательность такого понимания тенденций развития общества. Каждому участнику этих преобразований необходимо (или приходится) осознать как аксиому, что вполне естественно существование других позиций, других точек зрения, в том числе противостоящих друг другу. Абсолютизация или превалирование идей одних социальных групп над другими – с несовпадающими целями и намерениями – чревата социальными напряжениями, которые могут перерасти в катаклизмы. Попытки провозгласить в российских условиях идеи либералов единственно верными и правильными, будучи выражением одной точки зрения и при игнорировании других, в данном случае – большинства народа, привели к тому, что в постсоветской России существуют взаимоисключающие, противоречивые и парадоксальные взгляды на способы реализации поставленных целей и на будущее страны. А так как цели и тенденции общественного развития в конечном счете определяются сознанием и действиями большинства, то можно наблюдать, как меркнет и тускнеет радикальная либеральная идея, теряя своих апологетов и сторонников, в то время как ее противники занимают более одобряемые позиции, которые учитывают настроения и идеи, разделяемые значительной частью населения.

Во-вторых, к причинам появления травм и антиномий в современном российском обществе можно отнести разрыв между широкообещательными обещаниями политических сил и тем, что представляет собой реальная жизнь миллионов людей. Поскольку политические программы и концепции либеральных сил, по-своему концептуально и логично выстроенные, привели не к тем результатам, на которые они были нацелены, можно сказать, что разрыв между политикой и практикой выразился в существовании взаимоисключающих ориентаций, одна из которых нацелена на оправдание официальных концепций и позиций, но не отражает общественную жизнь во всем ее противоречивом развитии, а другая, опираясь на повседневную практику, реальные результаты, специфику национального менталитета, подвергает сомнению постулаты первой ориентации и предлагает свое видение перспектив развития России.

В-третьих, травмы и антиномии во многом формируются под влиянием групп давления, которые, имея политическую и экономическую власть, стремятся навязать свои идеи и понимание происходящего. Обладая огромной силой воздействия при помощи СМИ, особенно телевидения, эти группы методами манипулирования добиваются реализации своих программных задач. Но это приводит к тому, что со временем сквозь толщу группового эгоизма, корысти, злоупотреблений, несмотря ни на какие преграды, пробивают путь народные устремления, отражающие существование другого мира, в котором будущее связывается с достижением и торжеством социальной справедливости, хотя она понимается весьма по-разному и специфически.

Вступление России в 1990-е гг. в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, породив новые метаморфозы, противоречия общественного сознания и социальной практики, отразившиеся в глубокой и кардинальной его трансформации, и создав такие уникальные его состояния, как

травмированность и антиномичность, что повлекло за собой глубокие социальные последствия. Эти превращенные формы общественного сознания особенно мощно стали проявляться в таких формах, которые часто *олицетворяют противостоящие друг другу общественные мировоззренческие позиции*. Они отражают разное понимание правды, истины, претендуя на жизненность, право существования и имея достаточно веские аргументы в отстаивании своих взглядов. Однако в этом разнобразии все больше усиливается тенденция, когда выкристаллизовываются позиции, которые отражают деформированные ориентации, противостоящие и даже взаимоисключающие друг друга².

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность и антиномичность сознания стали характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России.

Эти черты общественного сознания появляются и потому, что оно развивается и функционирует в современных условиях разновекторно и противоречиво. Дело в том, что *не на всех этапах существования человечества, в том числе и в современный период, общественное сознание воплощало (воплощает) в себе только позитивное, передовое, прогрессивное*. Оно всегда в той или иной мере отражало возможные варианты развития, а также его деформации, которые всегда возрастали и обнажались в периоды переломных состояний общества. *Деформациями в современной России являются такие превращенные, трансформированные формы сознания, как травма и антиномия.*

Травма как характеристика современного общественного сознания и поведения

Прежде всего поясним некоторые сущностные характеристики травмы как социального феномена.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской (психиатрической) литературе этот термин понимается не только как рана на теле, но и как рана в сознании в результате эмоционального шока, который нарушает осознание времени, себя и мира³. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание. Современные ревизии классического определения социальной травмы связаны с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в обществе⁴. На социальное содержание травмы было обращено внимание при исследовании проблем коллективной идентичности, включая религиозную и этническую идентичность⁵. Особую роль в обосновании социальной и культурной травмы, ее значения при характеристике жизни общества сыграл П. Штомпка. Характеризуя всю совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает *травму* как социальные трансформации, в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (агенсу) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов»⁶. Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять внимание «коллективному агентству – активной, движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов»⁷. Ее изучением стали заниматься и другие исследователи. По мнению Н. Смелсера, социальные и культурные травмы создаются соответствующими объективными и субъективными обстоятельствами. Он определял культурную травму как захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом. Некоторые события сами по себе травматичны, т. е. являются непосредственными причинами травматического эффекта⁸. Травматическое воздействие на судьбу народа, его национальное самосознание описал З. Бауман⁹. Р. Айерман считает, что некоторые события, например политические убийства, могут создавать условия для появления культурной травмы.

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, В. Л. Иноземцев, М. Ф. Делягин, Р. С. Гринберг и др. (в экономике), Ю. А. Красин, В. Э. Бойков, В. В. Федоров (в политике), М. К. Горшков, В. К. Левашов, Ю. А. Левада, А. А. Ослон, Н. Е. Покровский, В. А. Ядов (в социальной сфере), В. А. Межуев, О. Н. Смолин и др. (в сфере культуры).

Кардинальные изменения, имевшие место в советском / российском обществе в годы перестройки, а затем в 1991 г. – 2000-е гг., привели к возникновению и закреплению *новых травмирующих черт (характеристик) общественного сознания*, отличающих его от предшествующих состояний на предыдущих этапах развития и функционирования.

Прежде всего произошли *дезориентация и дезорганизация* общественного сознания, о чем свидетельствуют результаты национальных опросов о ситуации в стране, проведенных в 1994–2012 гг.

После событий начала 1990-х гг. суждения людей о том, какие принципы должны быть заложены в основу функционирования общества, в котором они живут, в значительной степени склонялись к поддержке рыночных преобразований, так как люди не могли дальше мириться со многими недостатками советской экономики – переборами с товарами, дефицитом жизненно необходимых товаров, жесткой регламентацией. В первые годы перестройки, а затем начавшихся реформ они жили надеждой – перемены обязательно сделают жизнь лучше. Но шли годы, и вместо позитивных сдвигов происходили нежелательные изменения – расхищение государственной собственности и сосредоточение ее в руках сравнительно небольшой группы лиц, безработица, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в сложившейся ситуации произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться¹⁰.

Сомневаясь в эффективности советской формы в виде развитого социализма, общественное сознание в начале 1990-х гг. сначала поверило обещаниям построения такого общества, которое реализовывали индустриально развитые страны. Однако реальная жизнь быстро охладила эти мечтания – идеи западной демократии в российском исполнении дискредитировали себя еще быстрее по сравнению с тем, как это случилось с идеями социализма к концу 1980-х гг.¹¹ В условиях неоправдавшихся надежд внимание одних стало концентрироваться на некоторых восточных моделях построения общества, других – на поиске истинно российских, своеобразных корней и осмыслении российского исторического опыта преобразований, третьих – на возвращении к обновленной советской модели. Травматическое сознание большинства населения страны достигло таких показателей, которые выражали состояние аномии, когда многие люди, потеряв прежние ориентиры, не обрели новых.

Такая оценка реально сложившейся ситуации стала основанием для растущего *пессимизма*, что проявилось в усилении особой значимости повседневных забот и тревожных ожиданий людей и отразилось в противоречивой оценке возможных путей развития как личной, так и общественной жизни.

Анализ этих суждений показывает, что на первый план выходят заботы и тревоги, которые касаются повседневной жизни – дороговизна, повышение тарифов на коммунальные услуги. Следует учесть и то, что большинство населения до 70 % доходов тратит на продукты питания. В этой ситуации такие важные общественные проблемы (прямо не влияющие на повседневность), как экология, преступность, а в последнее время мировой экономический кризис, ушли на второй план. Вместе с тем остается высокой тревожность в оценке личной безопасности, угроза терроризма беспокоит меньше.

Реальные процессы, происходящие в общественном сознании, демонстрируют еще и его важную травмирующую особенность: оно становится *злободневным*, остро и заинтересованно реагирующим на происходящее в жизни. Еще в условиях перестройки сложилась ситуация, когда впервые за долгие годы интерес к внутренним проблемам, ущемляющим социальное положение, материальные и духовные потребности, превысил интерес к вопросам международным. Людям стало гораздо интереснее знать, что происходит вокруг них, как реализовать свои личные или групповые интересы, чем объяснить события в мире или в отдельных странах¹².

Средства массовой информации, особенно телевидение, будучи по своему предназначению «полигоном» для выражения идей и взглядов, волнующих людей, стали отходить от процесса формирования мировоззренческого плюрализма и предлагать однозначные трактовки и объяснения происходящих в обществе и мире событий. Даже такое достижение перестройки, как гласность, закреплённая в Законе о печати

и предоставившая свободу выражения мнений, пройдя трудный и противоречивый путь реализации, было травмировано, так как из провозглашенной свободы слова превратилось в услугу причастным к власти и капиталу группировкам. В результате существенным образом изменилось представление о роли, назначении и функциях средств массовой информации, тем более что уже к концу 1990-х гг. большинство из них было приобретено (куплено) олигархическими группами и их плюрализм приобрел специфическую направленность.

На этом пути общественное сознание стало травмированным участником поисков истины в трудной и сложной реконструкции демократии, прав и свобод человека, непрекращающихся дискуссий о путях и методах осуществления рыночных реформ и способах их реализации. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только 18 % россиян поддерживают избранный в начале 1990-х гг. путь осуществления реформ при 24 % оценивающих этот курс ошибочным и 40 % тех, кто считает ориентацию на рыночные отношения правильными, но отрицает методы, которыми их реализовывали¹³.

Тревожность россиян имеет под собой основания, одно из которых лежит в плоскости доверия к тем, кто выражает или не выражает интересы большинства людей. Именно такие оценки деформируют процесс функционирования доверия, ибо люди понимают и убеждены, что существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп – государственной бюрократии и богатых слоев населения (рис. 1).

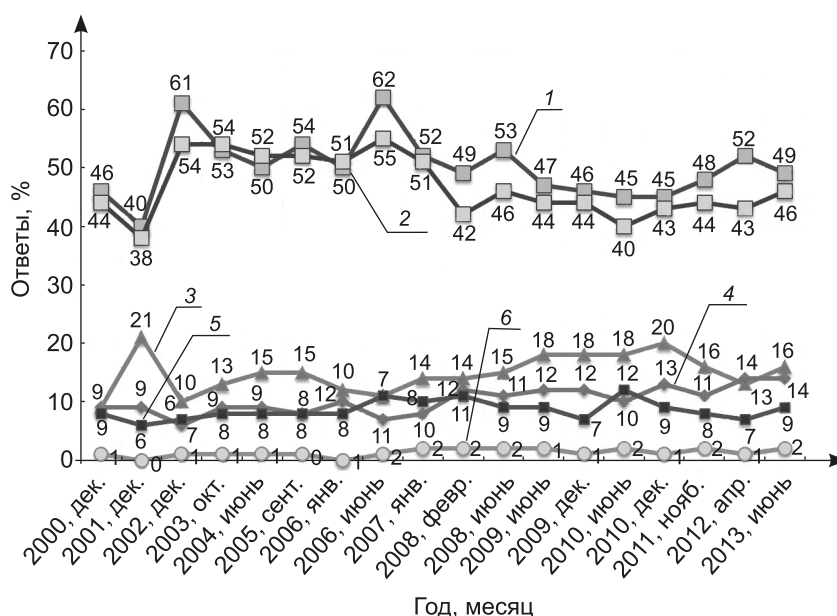

Рис. 1. Распределение ответов граждан России на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (% от числа опрошенных):

1 – богатых; 2 – государственной бюрократии; 3 – затруднились ответить; 4 – всех граждан России; 5 – средних слоев; 6 – бедных слоев (Источник. Институт социально-политических исследований (ИСПИ) РАН.)

Такая оценка роли государства по отношению к различным социальным группам не могла не сказаться на снижении доверия к политическому строю и основным политическим институтам страны. Анализ социологических данных показывает, что начиная со второй половины 1990-х гг. это выразилось в негативной оценке деятельности политического руководства, многократно превышавшей процент позитивных оценок. Ему не был прощен ни один просчет – спад производства, обнищание основной массы населения, преступность, межэтнические конфликты. Все это отразилось (хотя и с некоторыми колебаниями) на достаточно высоком уровне неудовлетворенности. В последние годы у людей появилось ощущение, что происходят некоторые позитивные изменения (рис. 2).

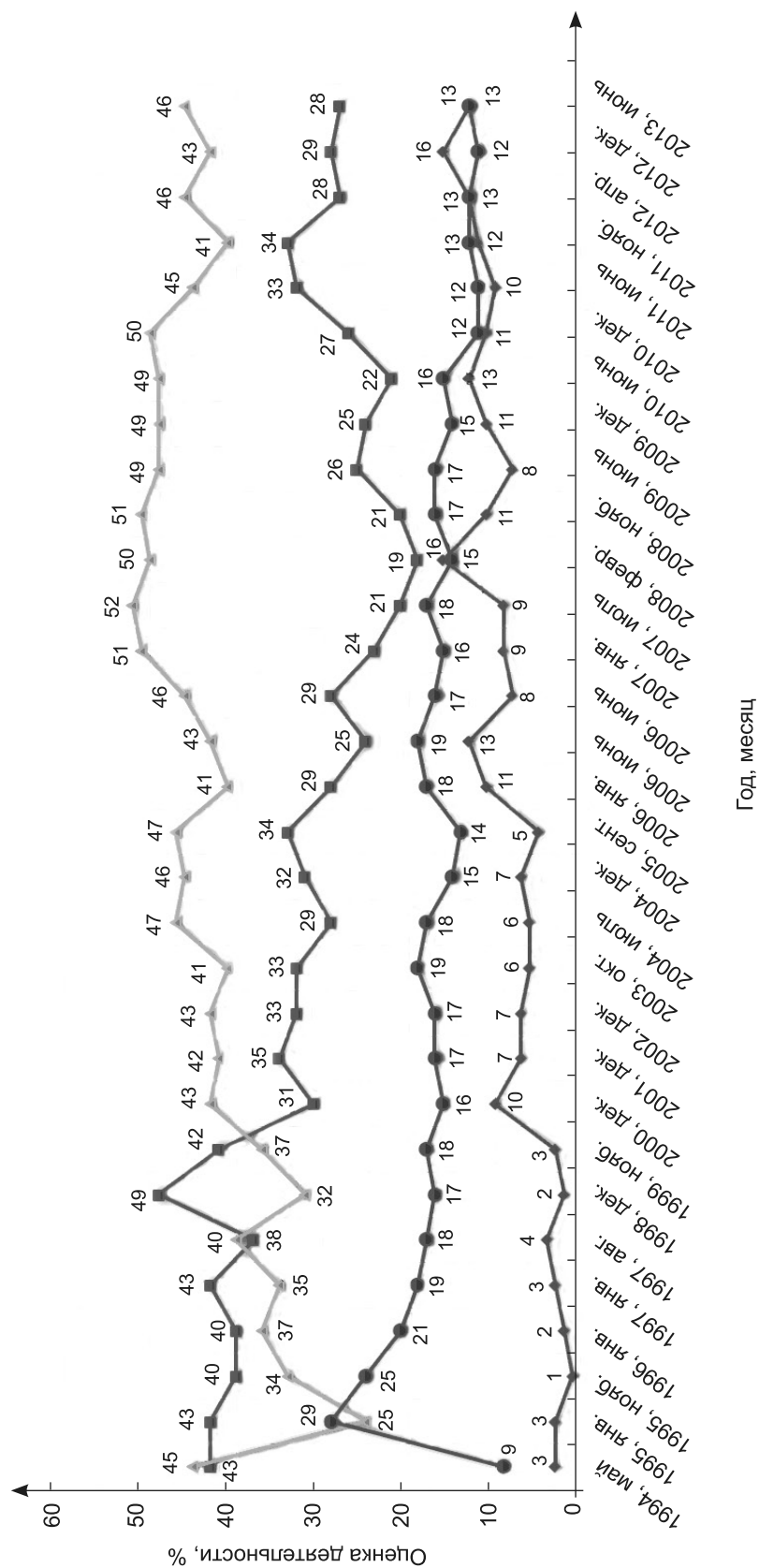

Рис. 2. Отношение россиян к политической системе общества (% от числа опрошенных):
 ◆ меня полностью устраивает политическая система нашего общества; ▲ много недостатков, но их можно устранить реформами;
 ◆ политическую систему необходимо изменить радикальным образом; ◆ затруднились ответить
 (Источник. ИСПИ РАН.)

В политических концепциях есть такая аксиома: *Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго*. Посулы начала 1990-х гг. были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали порочность и губительность предложенных преобразований, что привело к политической смерти многих «прорабов» перестройки и «творцов» реформ.

Современному общественному сознанию все в большей мере становится присуща *критичность*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, наличие которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. Продолжает оставаться высоким уровень несогласия с тем, как проводятся реформы в экономической и социальной жизни. В условиях восхваления псевдорыночных преобразований, торжества коррупционных схем и теневых (криминальных) методов работы не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. В 1990-х – начале 2000-х гг. процессы, протекавшие во всех сферах деятельности государства, отражаясь в общественном сознании, оценивались россиянами резко отрицательно, люди разочаровались в происходящих изменениях и считали роль государства в реализации их целей и интересов недостаточной¹⁴.

Травма была нанесена и потому, что ожидания от экономических реформ и реальность не оправдались. Сравнение социологических данных 1990 и 2012 гг. (руководители исследований Ж. Т. Тощенко и В. Э. Бойков) позволяет утверждать, что в стране произошли серьезные непредвиденные и социально уязвимые изменения в общественной жизни. В конце 1980-х гг., когда из-за некомпетентных решений происходило расстройство народно-хозяйственного организма, люди резко отрицательно оценивали состояние экономики. Происходящие изменения казались им ненормальными и недопустимыми. Они видели, что сдвиги имеют место только в разговорах «наверху», но для них оборачиваются сбоями в производстве, дефицитом самых необходимых товаров, затруднениями в организации повседневной жизни. Именно повышенным спросом на разумные решения можно объяснить критическую оценку состояния экономических процессов в стране.

Анализ развития общества за последнюю четверть века показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, выросло доверие к некоторым аспектам экономического развития страны. С другой стороны, одновременно ухудшились оценки этих же аспектов с точки зрения их влияния на жизнь людей. Особенно поражает, что уровни безработицы и благосостояния практически не изменились за четверть века. А ведь это ведущие параметры уровня жизни. Мало изменились и другие показатели. Одно только существенно улучшилось – это ликвидация дефицита товаров. Но стоило ли ради этого проводить болезненные многолетние реформы? Поэтому неудивителен и результат. Значительное количество людей убеждены, что выиграли только богатые, резко увеличилось число экономических преступлений, усилилась несправедливость в оплате труда. В целом отрицательных оценок социальных последствий рыночных реформ стало гораздо больше. Это вписывается в общую оценку социальной сферы и по другим исследованиям, которые демонстрируют тотальное ухудшение социального самочувствия, социального благополучия людей. Резко усилилось ощущение нарушения социальной справедливости. Причем такую оценку дают не только ущемленные происходящими изменениями, но и те, кто на первый взгляд устроен в жизни. Ощущение несправедливости формируется именно в той среде, с которой человек непосредственно соприкасается и о которой он может судить по таким вполне наглядным и конкретным показателям, как оплата труда, разрыв в уровне жизни и т. п.

Еще одна особенность травмы общественного сознания – суждения о том, отвечают ли преобразования в экономике интересам, ожиданиям людей, насколько они совпадают с официальными заявлениями (рис. 3).

Травма сознания проявляется в том, что 31 % респондентов считают, что правильной является западная капиталистическая система, и в то же время значительное количество людей настаивает на социалистическом пути развития, а 41 % ратуют за особый путь России. Результаты опроса, представленные на рис. 3, свидетельствуют еще об одной травме – людей не устраивают экономические преобразования, более того, они не соответствуют интересам большинства населения.

Налицо парадоксальная ситуация, которая могла сложиться только потому, что в представлениях людей уживаются диаметрально противоположные суждения. Это объясняется чрезвычайной противоречивостью и травмированностью мировоззренческих установок людей, складывающихся в ситуации неустойчивости развития общества и государства.

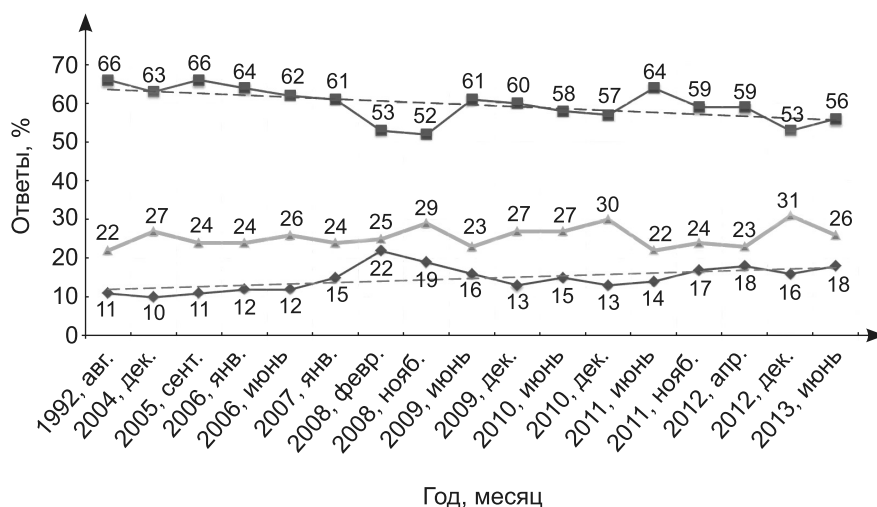

Рис. 3. Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения (% от числа опрошенных):
◆ да; ■ нет; ▲ затруднились ответить
(Источник. ИСПИ РАН.)

Травма сознания проявляется и в том, что разнообразие взглядов отражает не столько возможность придерживаться своих убеждений, сколько сумятицу, которая позволяет людям переходить с одной позиции на другую даже под влиянием случайных обстоятельств (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Как бы Вы определили свои политические взгляды?» (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Год								
	2002	2003	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013
Демократические	16	28	23	26	24	33	27	28	31
Патриотические	17	21	24	22	22	21	20	19	17
Коммунистические	7	13	8	10	9	7	8	8	11
Либеральные	4	8	6	10	11	9	9	9	9
Социал-демократические	1	4	4	5	7	7	10	5	6
Социалистические	9	9	9	7	13	8	14	9	5
Консервативные	3	3	5	6	5	6	5	6	5
Националистические	1	3	4	4	3	2	2	3	2
Затруднились ответить	17	30	32	29	26	24	24	28	28

Источник. ИСПИ РАН.

Несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, у всех людей есть надежда на стабильную жизнь в своей стране. Это наглядно демонстрирует анализ мироощущения людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам

повседневной жизни, возможностью решения которых они руководствуются при принятии решений текущего и перспективного характера¹⁵.

Общественное сознание отражает сдвиг в сторону все большей степени признания общезначимых тенденций в развитии России, что поддерживается каждым вторым или двумя из трех (с 58 % в 1994 г. до 65 % в 2012 г.). Правда, это утверждение не исключает сомнений в том, как бы этот процесс не привел к унификации, однозначности происходящих изменений, к развитию глобальных тенденций, являющихся скрытой формой вестернизации и американизации, спекуляцией на некоторых чертах, вытекающих из всеобщности сознания людей¹⁶. В связи с этим возникает вопрос: отвечает ли объективной логике общественного развития появление глобальной культуры? А. А. Гусейнов полагает, что ее становление не исключает, а даже предполагает диалог национальных культур, которые изначально признают различия, и не отменяет национально-специфического, особенного¹⁷.

В рамках общих тенденций развития общественного сознания увеличивается вариативность ценностных ориентаций, установок как у населения в целом, так и у различных социальных групп, имеющих достаточно разные мировоззренческие ориентации. Диверсификация сознания проявляется по многим ключевым проблемам развития России. Разброс суждений о будущем России весьма высок при значительной доле тех (от 31 до 40 %), кто отказывается определенно судить о будущем страны. Несомненно, это показатель не просто различных представлений, но и опора для противостоящих друг другу мировоззренческих позиций, которые находят и будут находить отражение в деятельности политических партий и общественных движений. Все возрастающую роль стали играть идеи особого пути России, которые можно трактовать как ориентацию на евразийский вариант развития в его распространенной интерпретации¹⁸.

Исследуя травмы общественного сознания и поведения, стоит сказать, что они затронули и производственную жизнь людей. Это касается прежде всего экономического сознания и поведения человека как работника. Оценка ситуации на этом уровне, в трудовой организации, формируется в процессе взаимодействия с производственной средой.

Анализ ситуации обнаруживает парадоксальную картину: несмотря на смену социально-политического строя и построение капиталистических отношений, с 1990 по 2012 г. практически не изменилась оценка таких основополагающих показателей любого производства, как организация труда и санитарно-гигиенические условия. К 2012 г. в целом произошло улучшение только такого специфического показателя, как трудовая дисциплина, характеризующая внутреннюю сбалансированность деятельности организаций. Это можно объяснить тем, что в 1990 г. разрушение экономических основ производства достигло критической точки. Люди стали свидетелями стремительно ухудшающихся производственных показателей, когда прежние принципы функционирования производства были подвергнуты жесточайшей критике. Тогда мощно действовал фактор сравнения с ситуацией в странах Западной Европы, которые достаточно успешно преодолевали возникающие перед ними экономические проблемы. На более высокую оценку дисциплины труда в 2012 г. повлиял и переход многих предприятий в частную или акционерную собственность, когда ответственность работника поддерживалась не столько уговорами и призывами, сколько жесткой производственной дисциплиной. Что же касается таких показателей, как оплата труда и социально-психологический климат в коллективе, то они свидетельствуют о том, что эти изменения за четверть века привели к ущемлению главных составляющих благополучия человека – его материальной обеспеченности и благоприятной окружающей атмосферы.

Из травмирующих составляющих общественного сознания следует отметить и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты травмы общественного сознания, которые невозможно игнорировать при оценке его состояния и тенденций: *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости*.

А разве не о травме свидетельствует то обстоятельство, что если после революций обычно появляются великие произведения литературы и искусства, то в 1990–2000-е гг. ничего подобного не произошло. События этого периода «не дали фактически никакой литературы, потому что литература имеет дело с большой Историей, с тем, что меняет жизнь человечества. А в России произошла *какая-то гнусная история* (травма? – Ж. Т.). «Тихого Дона» не написали. Багрицкий с Есениным

и Маяковским не появились. «Хождения по мукам» тоже нет»¹⁹. Напомним, что в 1920-е гг. в живописи родилось такое уникальное явление, как русский авангард. Значительные события произошли и в кинематографе (например «Броненосец «Потемкин»» С. М. Эйзенштейна). Великие преобразования, связанные с именами К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда, произошли и в театральном искусстве.

Подводя итоги анализа травм общественного сознания и поведения, можно сделать вывод о достаточно противоречивом характере их функционирования. Итоговым может служить следующий вывод: два основных ориентира в постсоветской России – рынок и демократия – не были достигнуты или воплотились в деформированных явлениях общественной жизни страны. И можно ли в этой ситуации согласиться, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного разрушения»²⁰. Этими утверждениями можно самообманываться, но народ в своем восприятии происходящих перемен мыслит не так, как хотелось бы некоторым властью предрежащим и обслуживающему их окружению. Не меньшую роль в характеристике деформации общественного сознания и поведения приобретают антиномии.

Антиномия как форма кентавризма

Антиномия (греч. *antinomia* – противоречие закона самому себе, противоречие внутри закона) означает познавательную и реально существующую коллизию, когда основные (преобладающие, господствующие) утверждения, а соответственно, и действия противостоят, взаимоисключают друг друга, но одновременно сосуществуют, так как имеют под собой объективную основу, их взаимосвязи и взаимодействие поддерживаются значительными социальными, политическими и экономическими силами, крупными социальными группами, политическими или экономическими организациями и образованиями.

На этот феномен было обращено внимание в Средние века, когда учеными обозначалось соединение в ходе рассуждения двух прямо противоположных утверждений, каждое из которых может быть одинаково обоснованно, истинно. Первоначально понятие «антиномия» имело юридический смысл и отражало противоречие между двумя законами или внутри одного закона. В Кодексе Юстиниана (535 г.) предусматривается случай, когда закон вступает в противоречие с самим собой. Впервые же этот термин встречается в изданном в 1613 г. «Философском словаре» Р. Гоклениуса.

Однако только у И. Канта (1724–1804) понятие антиномии приобретает современный смысл и интерпретацию. По И. Канту, противоречия неизбежно рождаются в нашем уме вследствие того, что понятие абсолютного, бесконечного, приложимое лишь к миру «вещей в себе» (тезис), применяется к миру опыта, где наличествует только преходящее, конечное и обусловленное (антитезис). И. Кант сформулировал четыре антиномии. Одну из них напомним: *Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве – Мир не имеет начала во времени и бесконечен в пространстве*.

Все подобные утверждения в одинаковой степени доказуемы и недоказуемы, истинны и ложны, обоснованны и спорны. Эти противоречия, по И. Канту, возникают только потому, что разум отважился пуститься в исследование вещей, как они существуют сами по себе («вещь в себе»). А поскольку каждое из этих положений обоснованно – имеет аргументы для своего доказательства, то И. Кант делает вывод об ограниченных возможностях человеческого разума, о его неспособности проникнуть в суть вещей, но в то же время о праве существования антиномий, их сравнимости, конкуренции и праве на существование без придания какой-то стороне преимуществ.

Постепенно в ходе развития науки было выявлено, что *антиномии касаются не только противоречий процесса познания – они являются характерной особенностью реальной общественной жизни*²¹. Эта противоречивость особенно наглядно проявляется в период кризисного развития общества. Суть современных антиномий состоит в том, что в реальной жизни России сложилась такая ситуация, когда они стали определяющей характеристикой общественного сознания и социальной практики и когда существование двух истин вполне оправданно и закономерно, но в то же время чревато возможными коллизиями, напряженностью и даже конфликтами, если не понимать их природу, их вес и влияние и не видеть путей их согласования²².

Анализ современного общественного сознания показывает, что в нем практически по всем направлениям сосуществуют две взаимоисключающие друг друга

позиции, которые в одинаковой мере (или примерно в одинаковой пропорции) претендуют на истинность, право существования, их реализацию и в конечном счете на то, чтобы определять стратегию развития общества.

Человеку присуще стремление к обобщенной оценке как проблем общества, так и своего существования, возможностей, социального положения. И если в начале 1990-х гг. преобладало ощущение утраты прежних возможностей или большая неопределенность при их оценке, то в *последние годы существует две основные позиции*, противостоящие и исключаящие друг друга (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, с августа 1991 г. страна пошла в правильном или неправильном направлении?» (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	2003	2005	2007	2012
В правильном направлении	30	25	28	42
В неправильном направлении	47	50	37	39
Затрудняюсь ответить	23	25	35	19

Источник. Общественное мнение – 2013. М., 2013.

Полученные оценки разделяют общество на примерно равные группы. Очевидно, что те, кто поддерживает официальный курс, склонны доверять субъектам преобразований, определяющим этот курс. Немалую роль играет и тот факт, что они могут привести убедительные аргументы в защиту своей позиции, исходя из своего экономического и социального положения, которое их устраивает. Поэтому вполне объяснимо, почему они в той или иной мере поддерживают и положительно оценивают курс правящего политического слоя. Эта цифра в определенной степени коррелирует с данными всероссийских выборов.

Не менее убедительные доводы могут привести и те, кто считает, что страна развивается в неправильном направлении. Реальный экономический и социальный опыт этой группы людей показывает, что они испытывают серьезные затруднения, потери, а многие из них имеют сомнения по поводу перспектив достижения личного благополучия. Они, как и первая группа, могут привести убедительные доводы того, почему страна развивается в неправильном направлении, сопоставляя это с тем, что касается непосредственно их. Несомненно, они не доверяют общероссийским политическим и экономическим структурам, не верят их обещаниям. Именно из этого круга вкупе с теми, кто воздерживается от оценки пути страны, формируются голосующие за оппозиционные партии или уклоняющиеся от участия в выборах, что также коррелирует с данными по количеству участвующих (или не участвующих) в избирательных кампаниях.

Поскольку взаимоисключающие оценки практически делят население страны на две примерно равные части, можно говорить о таком феномене, как антиномия, когда идет противостояние двух взаимоисключающих ориентаций, каждая из которых имеет право как на существование и учет политической властью их ориентаций, так и на неприменение санкций к «неправильной» точке зрения.

Два взаимоисключающих, но равновесных по значению суждения касаются всех сфер общественной жизни. Общество на макро- и микроуровне практически расколото на две части, противостоящие друг другу, — тех, кто считает, что они приспособились к произошедшим изменениям (наряду с небольшим числом выигравших), и тех, кто признает, что их положение неудовлетворительно. К этой группе следует отнести и тех, кто затруднился ответить, что означает: человек серьезно сомневается в том, что даже при достигнутом социальном положении ему удастся его сохранить. К тому же многие относят себя к среднему слою (классу) потому, что либо не хотят считать себя проигравшими в сложившихся жизненных обстоятельствах, либо обладают очень небольшими жизненными притязаниями. Например, 60 % жителей «депрессивных» районов Иркутской области отнесли себя к этой группе населения по принципу: «у нас есть картошка, в тайге набьем шишек, соберем грибы и ягоды, наловим рыбы», «мы не голодные, и поэтому мы средний класс».

Антиномичность подобных позиций подтверждается и оценкой политического и экономического строя. Что касается политики, то это проявляется в таком важном показателе, как оценка состояния демократии в России. Согласно исследованиям,

37 % опрошенных утверждали, что демократия, несомненно, есть или отчасти существует, 33 % отказались признать ее наличие (ответ «пока не существует»)²³. Иначе говоря, политическое сознание практически расколото пополам. При этом демократические тенденции явно снижаются.

В общественном сознании господствуют две основные позиции, противостоящие друг другу: почти каждый третий имеет неопровержимые аргументы для доказательства своей правоты и почти каждый пятый находится в неопределенном состоянии. Каждая из этих позиций диктует манеру и стиль поведения. Но они могут быть источником не только констатации фактов, но и активных действий, которые преследуют взаимоисключающие цели, что может привести к различным формам противостояния и борьбы, вплоть до социальных коллизий. Антиномичность вышеприведенных данных подтверждается мнением о том, к какому классу (слою) относят себя люди в современном российском обществе (рис. 4).

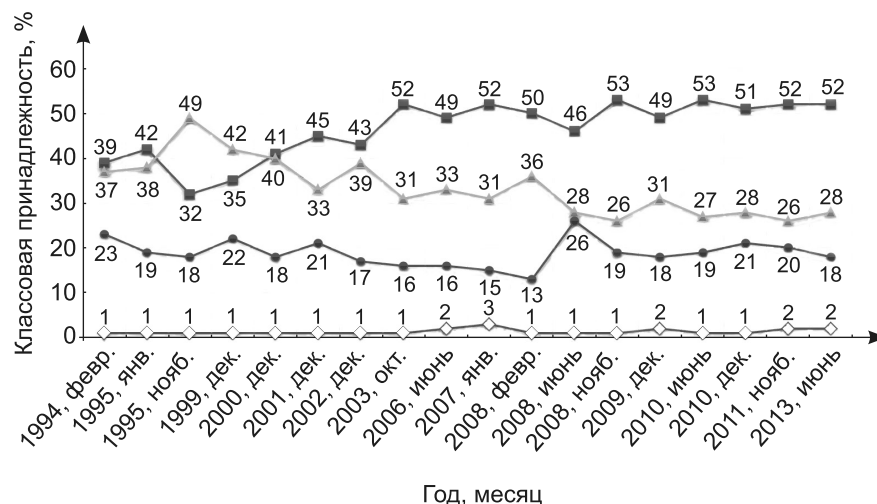

Рис. 4. Самоидентификация классовой принадлежности (% от числа опрошенных):
 ◇ — к высшему классу; ■ — к среднему классу; ▲ — к низшему классу;
 ● — затруднились ответить
 (Источник. ИСПИ РАН.)

Противостояние двух взаимоисключающих позиций общественного сознания продолжается, при этом экономический и финансовый кризис уменьшил число сторонников либеральных экономических реформ. Наряду с увеличением числа признающих, что они выиграли от происходящих изменений, остается достаточное число проигравших, а также тех, кто не может определить свое отношение к свершившимся изменениям.

Ситуация с личными оценками очень близка к положению с оценками деятельности крупных бизнесменов — по отношению к ним общественное мнение разделилось практически поровну (табл. 3).

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?»
 (% от числа ответивших)

Вариант ответа	Год			
	2003	2006	2008	2012
Определенно на пользу	9	9	8	4
Скорее на пользу	28	34	37	41
Скорее во вред	35	32	27	33

Вариант ответа	Год			
	2003	2006	2008	2012
Определенно во вред	16	12	11	5
Затруднились ответить	12	13	17	17

Источник. Общественное мнение – 2012. М., 2012. С. 140.

Антиномии сознания проявляются практически во всех сферах общественной и личной жизни россиян. Людей до сих пор тревожат *этнонациональные отношения* (табл. 4).

Таблица 4

**Ответы респондентов на вопрос: «Возможны ли в настоящее время в России массовые кровопролитные столкновения на национальной почве?»
(% от числа ответивших)**

Вариант оценки	Год			
	2002	2007	2008	2012
Определенно да	12	13	10	11
Скорее да	37	37	29	32
Скорее нет	30	32	32	36
Определенно нет	12	8	18	11
Затруднились ответить	10	10	10	10

Источник. Общественное мнение – 2012. М., 2012. С. 177.

В общественном сознании продолжает существовать страх перед возможными межнациональными конфликтами, всплесками вражды на этнической основе, что, по убеждению людей, может повлечь за собой глубокие и кровавые потрясения. Это со всей очевидностью проявляется при оценке отношения к странам, с которыми обострились отношения, в результате чего количество негативных оценок Украины выросло в два раза (с 23 % в 2001 г. до 44 % в 2009 г.) и значительно увеличилось в 2014 г. во время кризисных событий. Что касается Грузии, то две трети населения страны (65 %) выразили свое отрицательное отношение к национальным конфликтам²⁴.

Таким образом, в настоящее время одной из основных характеристик общественного сознания является антиномичность, которая отражает весьма противоречивое его состояние, когда в основном господствуют две взаимоисключающие точки зрения, но которые имеют под собой логическую основу и оправдание и уходят корнями в реальные процессы общественной жизни. Очевидно, что проявления антиномичности сознания и поведения обостряются в период кардинального переустройства социума, когда общественное развитие осуществляется с использованием весьма специфических форм насилия, но не менее радикально и болезненно. Анализируя антиномии, следует учесть еще два соображения.

Первое – антиномии, прежде чем охватить общественное сознание в целом, вначале складываются в среде интеллигенции как предвестники серьезных сдвигов в общественном сознании. Антиномии продемонстрировали себя в деятельности активных общественных сил, когда наступила пора выбора. Сначала они достаточно проявили себя в среде творческой интеллигенции в период перестройки, показав, что две правды, две истины могут существовать не только на уровне общества, но и на уровне определенных социальных и профессиональных групп. Это со всей наглядностью показал опыт функционирования Союза кинематографистов, который раскололся еще в 1980-е гг. на два враждебных лагеря. У каждой из сторон были (и имеются) достаточно веские аргументы в защиту своей позиции. Для доказательства использовались (и используются) самые различные факты, имеющие прямое и косвенное отношение к жизни этой социально-профессиональной группы. На различия в мировоззренческом плане насадились ущемленные интересы, амбиции и просто нежелание слушать противостоящую сторону.

Аналогичным путем пошли и театральные деятели, и писатели России, разделившись на либерально ориентированных и патриотов, в результате чего в каждом из расколовшихся союзов оказались люди, чей вклад в развитие русской литературы несомненен и неоспорим, а противопоставление их в творческом плане неразумно и непродуктивно. Однако их различные мировоззренческие позиции стали весомым аргументом в оправдании своей как творческой, так и гражданской позиции. Самое поразительное в этом противостоянии не то, что какое-то направление одерживает верх, а то, что оно породило литературу, которая не имеет отношения ни к одному из них, но в то же время несопоставима ни с одним из них.

Второе соображение касается вывода о том, что *антиномии сознания являются предтечей возможных крупных общественных сдвигов, вплоть до революции*. Раскол общества ведет к формированию различных политических и социальных сил, которые преследуют взаимоисключающие цели. Обычно наряду с многочисленными оттенками политических амбиций, мировоззренческого разброда вырисовываются две основные общественные силы, олицетворяющие свою правду, которую они готовы защищать всеми возможными и доступными средствами, включая насильственные. В выдвигаемых ими концепциях есть своя логика, цели, намерения и ориентации, которые полностью отвергают предлагаемые другой стороной средства разрешения конфликта. В результате возникают две основные правды, две основные истины, исповедующие различные методы достижения цели. Но в отличие от антиномий процесса познания, противостоящие друг другу силы не желают уступить и готовы на конфликт, отстаивая всеми возможными средствами свою правду, истину, намерения. Это наглядно проявилось в истории всех революций, когда победа наступающих, ратующих за обновление сил, олицетворявших власть народа, сменилась абсолютной властью, а затем и реставрацией тех сил, которые потерпели поражение в ходе революции.

Аналогично протекал процесс борьбы красных и белых в период Октябрьской революции в России, когда каждая из этих сил имела веские доказательства правоты своего дела. Победа большевиков знаменовала тот факт, что общественное сознание в лице народа поддержало их цели как наиболее отчетливо отражающие его чаяния. И это же общественное сознание отвернулось от поддержки наследников большевизма, когда оно узрело несовпадение его устремлений с действиями правящих сил в стране. На этой основе произошла определенная реставрация прежних идеалов. Следует только отметить, что подобное противостояние сил (как показывает опыт и других революций) всегда рождает нечто принципиально иное, которое имело не то первоначальное значение, к чему стремились антиномичные силы.

По поводу *основных черт антиномий российского общественного сознания* можно сказать следующее. *Во-первых*, определенной политической, экономической и социальной позиции противостоит такая же по объему, весу и значению другая позиция, поддерживаемая достаточно значительными и влиятельными общественными силами. *Во-вторых*, они взаимоисключают друг друга, в известной степени непримиримы, несочетаемы и несогласуемы, но находятся в ситуации сосуществования. *В-третьих*, каждая из этих позиций имеет достаточно весомые основания для доказательства своей правоты, обоснованности, жизнеспособности и будущности. *В-четвертых*, эти позиции опираются на по-своему интерпретируемый исторический опыт, который подкрепляет их аргументы в противостоянии с другой позицией и ориентацией. *В-пятых*, их существование характеризует кризисное состояние общества, ибо противостояние целей и устремлений людей обязательно приведет или к устранению одной из сторон, или к появлению новой модификации, которая будет носить другое качество и другое измерение.

И как вывод: *а не является ли нынешняя антиномичность общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений?* И возможно ли преодолеть многочисленные антиномии, не доводя общество до социально опасного взрыва? На наш взгляд, требуется одно принципиальное решение – отказ от прежней практики преодоления разногласий, которая видела в каждом ином и особенно противоположном мировоззрении врага, а не оппонента, с которым не следует обсуждать спорные проблемы, находить возможные согласованные решения. Способ решения антиномичности предполагает, что противостоящие стороны ни в коем случае не должны жаждать унижения, расправы или уничтожения противостоящей общественной силы. Несоблюдение этих требований всеми функционирующими общественными силами ведет только к конфликтам, кровопролитию, утрате достигнутого, пусть спорного и неполного.

Возможна ли иная трактовка травмы и антиномии?

Анализируя противоречивый и деформированный характер развития истории, нам хотелось обратить внимание на то, что Россия столкнулась с таким ее новым и специфическим поворотом, когда трактовка происходящих изменений в мире и в конкретных обществах в категориях травмы имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности ее понимания и использования. Соглашаясь с основными объяснениями этого понятия П. Штомпкой, нам хотелось предложить иную его трактовку или, вернее, объяснить иной подход. *На наш взгляд, при трактовке поступательного хода истории с позиций двух основных путей – революция и эволюция – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных процессов и событий, нужно использовать понятие «травма» как своеобразный промежуточный этап между двумя названными путями.* Ведь нередко складывалась ситуация, когда изменения происходят, но отнести их к революционным преобразованиям затруднительно. Но и считать их эволюционными тоже бывает весьма спорно, ибо они не всегда демонстрировали постепенное, поступательное движение при решении кардинальных запросов общества. Именно такое затруднение и отразила дискуссия о том, что все же произошло в России на грани 1980–90-х гг. Многие политики, ученые, журналисты (Е. Т. Гайдар, В. А. Мау, А. Р. Кох и др.), используя некую совокупность данных, настаивают, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом человечества капиталистическое устройство общества. Другие представители этих же социальных групп (А. В. Бузгалин, В. Л. Иноземцев), опираясь на опыт функционирования новой России, не менее убедительно доказывают, что происходит пусть сложный и трудный, но эволюционный путь развития страны.

На наш взгляд, не происходит ни того, ни другого. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. По нашему мнению, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части уже модифицированных социалистических традиций и норм жизни (но не отказом от принципов рыночного либерализма) и попытками сочетать с этим путь, по которому идет европейская цивилизация, но с учетом особой евразийской ориентации²⁵.

Данная ситуация усугубляется тем, что российское общество характеризуется не многообразием мировоззренческих позиций, что следовало бы ожидать в процессе его перестройки, а *расколом, породившим антиномичность общественного сознания и поведения.* Стал очевидным и неоспоримым тот факт, что переход от советской к постсоветской России ознаменовался появлением двух взаимоисключающих сил (при кажущемся многообразии различных точек зрения): а) с ориентацией на либеральное, рыночное, капиталистическое развитие; б) на создание социального государства, сильного социал-демократическими ориентациями, установками на возможность свободного развития не просто всех людей, всего общества, а *каждого человека.* Эта борьба, особенно наглядно проявившая себя в 1990-е гг., продемонстрировала, что *в стране сложились противостоящие друг другу группы, исповедующие взаимоисключающие ценности, но в то же время имеющие весомые аргументы в поддержку своей позиции.*

Подчеркнем, травмированность и антиномичность в обществе возникают тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом»²⁶. Именно эта ситуация породила многочисленные необычные феномены, такие как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии, теократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007 ; Гидденс Э. Ускользающий мир / пер. с англ. М. Л. Коробочкиной. М., 2004 ; Федоров В. В. Как мы изучали общество в 2004 году. М., 2005.
- ² См.: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
- ³ См.: Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore, 1995. P. 6.
- ⁴ См.: Habermas J. Legitimation crises. Boston, 1975.
- ⁵ См.: Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder, 2011.
- ⁶ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. иссл. 2001. № 1. С. 6–7.

- ⁷ Там же. С. 7.
- ⁸ См.: Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Sztompka H. Cultural trauma and collective identity. Berkeley, 2004.
- ⁹ См.: Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, 1989.
- ¹⁰ См.: Сомов В. А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социол. исслед. 2014. № 12.
- ¹¹ См.: Волков А. И. Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / рук. проекта и ред. О. Т. Богомолов. М., 2008. С. 56–57.
- ¹² См.: Федоров В. В. Указ. соч. ; Бойков В. Э. Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1998–2005 гг. М., 2006.
- ¹³ См.: ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 1391.
- ¹⁴ См.: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.
- ¹⁵ См.: Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.
- ¹⁶ См.: Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (принципиальная схема) // Социол. исслед. 2000. № 6.
- ¹⁷ См.: Гусейнов А. А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. СПб., 2010.
- ¹⁸ См.: Левашов В. К. Указ. соч.
- ¹⁹ Прилепин З. Россия – увлекательная карусель, в которой иногда голова кружится // Комсомольская правда. 2014. 9 июня.
- ²⁰ Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Рос. эконом. журнал. 2014. № 1. С. 19–23.
- ²¹ См.: Волков А. И. Указ. соч.
- ²² См.: Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2009.
- ²³ См.: Россияне об Украине, украинцы о России [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2009. Режим доступа <http://www.levada.ru/press/2009062305.html> (дата обращения: 10.08.2014).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004 ; Гринберг Р. С. Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора. М., 2012 ; Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и курса на «экономическое чудо». М., 2011 ; Некипелов А. Д. От квазирынка – к рынку (концептуальные вопросы стратегии экономических реформ России в начале XXI века) // Рос. эконом. журнал. 2001. № 2.
- ²⁶ Штомпка П. Указ. соч. С. 8.

Поступила в редакцию 15.10.2014.